

ДЖОН СТЕЙНБЕК

О МЫШАХ И ЛЮДЯХ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
С 79

Серия «Эксклюзивная классика»

John Steinbeck
MICE AND MEN
THE PEARL

Перевод с английского
В. Хинкиса («О мышах и людях»),
Н. Волжиной («Жемчужина»)

Серийное оформление Е. Ферез

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck
и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc.
и Andrew Nurnberg

Стейнбек, Джон.
С 79 О мышах и людях ; Жемчужина : [повести : перевод с английского] / Джон Стейнбек. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-087892-5

«О мышах и людях» — повесть, не выходящая из TOP-100 «Amazon», наряду с «Убить пересмешника» Харпер Ли, «Великим Гэтсби» Фицджеральда, «1984» Оруэлла.

Книга, включенная Американской библиотечной ассоциацией в список запрещенных вместе с «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера. Обе ее экранизации стали заметным событием в кинемире: картина 1939 года была номинирована на 4 премии «Оскар», фильм 1992-го — на «Золотую пальмовую ветвь».

В издание также включена повесть «Жемчужина».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© John Steinbeck, 1937, 1947
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2014
© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015
ISBN 978-5-17-087892-5

**О МЫШАХ
И ЛЮДЯХ**

I

В нескольких милях к югу от Соледада река Салинас подступает вплотную к горам и течет у самых их подножий. Вода здесь глубокая, зеленая и теплая, потому что река эта долго текла по желтым пескам, поблескивая на солнце, прежде чем образовать небольшую заводь. На одном берегу золотистые предгорья круто поднимаются к могучему скалистому хребту Габилан, а на другом, равнинном берегу растут деревья — ивы, которые покрываются каждую весну молодой зеленью и сохраняют на нижних листьях следы зимнего разлива, и сикоморы с пятнистыми, беловатыми кривыми сучьями и ветвями, которые склоняются над заводью. Земля под деревьями устлана толстым ковром листьев, таких хрустких, что даже ящерица пробежит — и то слышно. По вечерам из кустов вылезают кролики и сидят на песке, а ночью по сырому и ровному берегу снуют еноты, да на песке остаются следы широких лап собак с окрестных ранчо и острых раздвоенных копыт оленей, которые приходят в темноте на водопой.

Меж ив и сикоморов вьется тропа, протоптанная мальчишками, прибегающими с ближнего ранчо купаться в глубокой заводь, и бродягами, ко-

торые по вечерам, свернув с шоссе, плетутся сюда переночевать у воды. Под низким прямым суком огромного сикомора скопилась куча золы от многого множества костров, а сам сук гладко отшлифован многим множеством людей, сидевших на нем.

К вечеру, после жаркого дня, поднялся ветерок и тихо шелестел в листве. Тени поползли вверх по склонам гор. Кролики сидели на песке недвижно, словно серые камни. А потом со стороны шоссе раздалися шаги — кто-то шел по хрустким палым листьям сикоморов. Кролики бесшумно попрятались. Горделивая цапля тяжело поднялась в воздух и полетела над водой к низовьям. На миг все замерло, а потом двое мужчин вышли по тропе на поляну у заводи. Один все время шел позади другого, и здесь, на поляне, он тоже держался позади. Оба были в холстяных штанах и таких же куртках с медными пуговицами. На обоих были черные измятые шляпы, а через плечо перекинuty туго свернутые одеяла. Первый был маленький, живой, смуглолицый, с беспокойными глазами и строгим решительным лицом. Все в нем было выразительно: маленькие сильные руки, узкие плечи, тонкий прямой нос. А второй, шедший позади, был большой, рослый, с плоским лицом и пустыми глазами; шагал он косолапо, как медведь, тяжело волоча ноги. Руками на ходу не размахивал, они висели вдоль тела.

Первый так резко остановился на поляне, что второй чуть не наскочил на него. Первый снял шляпу, вытер кожаную ленту указательным пальцем и стряхнул капельки пота. Его дюжий спутник сбросил свернутое одеяло, опустился на землю, припал к зеленоватой воде и стал пить; он пил большими

глотками, фыркая в воду, как лошадь. Маленький забеспокоился и подошел к нему сзади.

— Ленни! — сказал он. — Ленни, Бога ради, не пей столько.

Ленни продолжал фыркать. Маленький нагнулся и тряхнул его за плечо.

— Ленни, тебе же опять будет плохо, как вчера вечером.

Ленни, окунув голову в реку, уселся на берегу, и струйки воды, стекая со шляпы на голубую куртку, бежали у него по спине.

— Эх, славно, — сказал он. — Попей и ты, Джордж. Вволю попей.

И он блаженно улыбнулся.

Джордж отцепил свой сверток и осторожно положил его на землю.

— Я не уверен, что вода здесь хорошая, — сказал он. — Больно уж много на ней пены.

Ленни шлепнул по воде огромной ручищей и пошевелил пальцами, так что вода пошла мелкой рябью; круги, расширяясь, побежали по заводи к другому берегу и снова назад. Ленни смотрел на них не отрываясь.

— Гляди, Джордж. Гляди, чего я сделал!

Джордж встал на колени и быстро напился, черпая воду горстями.

— На вкус вроде бы ничего, — сказал он. — Только, кажись, здесь она непроточная. Всегда пей только проточную воду, Ленни, — сказал он со вздохом. — А то ведь ты, ежели пить захочешь, хоть из вонючей канавы напьешься.

Плеснув пригоршню воды себе в лицо, он вытер рукой лоб и шею. Потом снова надел шляпу, ото-

шел от воды и сел, обхватив колени руками. Ленни, не сводивший с него глаз, в точности последовал его примеру. Он отошел от воды, обхватил руками колени и поглядел на Джорджа, желая убедиться, что все сделал правильно. После этого он поправил шляпу, слегка надвинув ее на лоб, как у Джорджа.

Джордж, насупившись, глядел на реку. От яркого солнца у него вокруг глаз появились красные ободки. Он сказал сердито:

— Могли бы доехать до самого ранчо, если б этот сукин сын, шофер автобуса, не сбил нас с толку. Это, говорит, в двух шагах, прямо по шоссе, всего в двух шагах. Куда там к черту, ведь получилось добрых четыре мили, не меньше! Просто ему неохота было останавливаться у ранчо, вот и все. Лень ему, видите ли, притормозить. Небось ему и в Соледаде остановиться неохота. Высадил нас и говорит: «Тут в двух шагах по шоссе». А я уверен, что мы прошли даже больше четырех миль. Да еще по такой адской жарнице!

Ленни робко посмотрел на него.

— Джордж.

— Ну, чего тебе?

— Куда мы идем, Джордж?

Джордж рывком надвинул шляпу еще ниже на лоб и со злостью оглядел Ленни.

— Стало быть, ты уже все позабыл? Стало быть, начинай тебе все сначала втолковывать? Господи Боже, что за дубина!

— Я позабыл, — тихо сказал Ленни. — Но я старался не позабыть. Ей-богу, старался, Джордж.

— Ну ладно, ладно. Слушай. Ничего не подлаешь. Тебе хоть всю жизнь толкуй, ты все одно позабудешь.

— Я старался, очень старался, — сказал Ленни, — да ничего не вышло. Зато я про кроликов помню, Джордж.

— Какие, к черту, кролики! Ты только про кроликов и помнишь. Так вот. Слушай и на этот раз запомни крепко, чтоб у нас не было неприятностей. Помнишь, как мы сидели в этой дыре на Говард-стрит и глядели на черную доску?

Лицо Ленни расплылось в радостной улыбке.

— Конечно, Джордж. Помню... Но... что мы тогда сделали? Я помню, мимо шли какие-то девушки и ты сказал... сказал...

— Плевать, что я там такое сказал. Помнишь, как мы пришли в контору Мэрри и Рэди, где нам дали расчетные книжки и билеты на автобус?

— Конечно, Джордж. Теперь помню. — Он быстро сунул обе руки в карманы. Потом сказал тихо: — Джордж, у меня нет книжки. Я, наверно, ее потерял.

Он в отчаянье потупился.

— У тебя ее и не было, болван. Обе они у меня, вот здесь. Так я и отдам тебе твою книжку, жди. Как бы не так.

Ленни вздохнул с облегчением и улыбнулся.

— А я... я думал, она здесь.

И снова полез в карман.

Джордж подозрительно взглянул на него.

— Что это у тебя в кармане?

— В кармане — ничего, — схитрил Ленни.

— Знаю, что в кармане ничего. Теперь это у тебя в руке. Что у тебя в руке?

— Ничего, Джордж, честное слово.

— А ну, давай сюда.

Ленни спрятал сжатый кулак.

— Это же просто мышь, Джордж.

— Мышь? Живая?

— Ну да, мышь. Дохлая мышь, Джордж. Но я ее не убивал. Честное слово! Я ее нашел. Так и нашел — дохлую.

— Подай сюда! — приказал Джордж.

— Пожалуйста, Джордж, не отбирай ее у меня.

— Подай сюда!

Ленни неохотно разжал кулак. Джордж взял мышь и швырнул ее далеко через заводь, на другой берег, в кусты.

— И на что тебе сдалась дохлая мышь?

— Я гладил ее пальцем, когда мы шли, — ответил Ленни.

— Не смей этого делать, когда ходишь со мной. Так ты запомнил, куда мы идем?

Ленни в растерянности уткнулся лицом в колени.

— Я опять позабыл.

— Вот наказание, — сказал Джордж со смирением. — Слушай же. Мы будем работать на ранчо, как там, на севере, откудова мы пришли.

— На севере?

— В Уиде.

— Ах да. Помню. В Уиде.

— Ранчо вон там, четверть мили отсюда. Мы придем туда и спросим хозяина. Слушай внимательно — я отдам ему наши расчетные книжки, а ты помалкивай. Стой себе и молчи. Ежели он узнает, какой ты полоумный дурак, мы останемся без работы, а ежели увидит, как ты работаешь, прежде чем ты рот откроешь, наше дело в шляпе. Понял?

— Конечно, Джордж. Конечно же, понял.

— Ладно. Так вот, стало быть, когда придем к хозяину, что ты должен делать?

— Я... я... — Ленни задумался. Лицо его стало напряженным. — Я... должен молчать. Стоять и молчать.

— Молодец. Очень хорошо. Повтори это раза три, чтобы получше запомнить.

— Я должен молчать... Я должен молчать... Я должен молчать...

— Ладно, — сказал Джордж. — Да гляди не натвори чего-нибудь, как в Уиде.

На лице Ленни появилось недоумение.

— Как в Уиде?

— Так ты, стало быть, и про это забыл? Ладно уж, не буду тебе напоминать, а то, чего доброго, еще раз такую же штуку выкинешь.

Лицо Ленни вдруг стало осмысленным.

— Нас выгнали из Уида! — выпалил он с торжеством.

— Выгнали, как бы не так! — сказал Джордж с возмущением. — Мы сбежали сами. Нас разыскивали, но — ищи ветра в поле.

Ленни радостно хихикнул.

— Вот видишь, я не позабыл.

Джордж лег навзничь на песок и закинул руки за голову. Ленни тоже лег, подражая ему, потом приподнялся, желая убедиться, что все сделал правильно.

— О Господи! От тебя, Ленни, одни сплошные неприятности, — сказал Джордж. — Я бы горя не знал, ежели б ты не висел у меня на шее. Как бы мне хорошо жилось. И может, у меня была бы девчонка.

Мгновение Ленни лежал молча, потом сказал робко:

— Мы будем работать на ранчо, Джордж.

— Ладно. Это ты запомнил. А вот ночевать нынче будем здесь, у меня на это свои причины.

Быстро смеркалось. Долина утонула в тени, и лишь вершины гор были освещены солнцем. Водяная змейка скользнула по заводи, выставив голову над водой, словно крошечный перископ. Камыш колыхался, волнуемый течением. Где-то далеко, близ шоссе, слышался мужской голос и ему откликнулся другой. Ветки сикоморов зашелестели под легким порывом ветра, который сразу же стих.

— Джордж, а отчего бы нам не пойти на ранчо сейчас, к ужину? На ранчо ведь дают ужин.

Джордж повернулся на бок.

— Это не твоего ума дело. Мне здесь нравится. А работать начнем завтра. Я видел, как туда везли молотилки. Стало быть, предстоит ссыпать зерно в мешки, надрываться. А нынче я хочу лежать здесь и глядеть в небо. Хочу, и все тут.

Ленни привстал и поглядел на Джорджа.

— Так у нас не будет ужина?

— Нет, будет, ежели ты насобираешь хворосту. У меня есть три банки бобов. Разложим костер. Когда соберешь хворост, я дам тебе спичку. А потом подогреем бобы и поужинаем.

— Но я люблю бобы с перченым томатным соусом, — сказал Ленни.

— Нет у нас соуса. Собирай хворост. Да пошевеливайся, а то скоро совсем стемнеет.

Ленни неуклюже встал и исчез в кустах. Джордж лежал, тихонько посвистывая. В той стороне, куда ушел Ленни, слышался плеск. Джордж перестал свистеть и прислушался.

— Дурак полоумный, — сказал он тихо и снова засвистал.

Вскоре вернулся Ленни, продираясь сквозь кусты. Он нес в руке одну-единственную ивовую ветку. Джордж сел.

— Ну-ка, — сказал он сурово. — Поддай мышшь сюда!

Ленни с неожиданной смышленостью изобразил на лице недоумение.

— Какую мышшь, Джордж? У меня нету никакой мышши.

Джордж протянул руку.

— Поддай ее сюда. Меня ведь не проведешь.

Ленни робко попятился и бросил отчаянный взгляд на кусты, словно думал убежать. Джордж сказал сурово:

— Подашь ты мне эту мышшь или же хочешь, чтоб я задал тебе хорошую трепку?

— Что тебе подать, Джордж?

— Ты сам отлично знаешь, черт тебя возьми. Поддай мне мышшь.

Ленни неохотно полез в карман. Голос его дрогнул.

— А почему мне нельзя оставить ее себе? Она ведь ничья. Я ее не украл. Я просто нашел ее на дороге.

Джордж по-прежнему решительно протягивал руку. Медленно, как собачонка, которая несет хозяину палку, Ленни подошел, потом попятился, потом подошел снова. Джордж нетерпеливо щелкнул пальцами, и Ленни торопливо положил мышшь ему в руку.

— Но я ведь ничего плохого не сделал, Джордж. Я просто ее гладил.

Джордж встал и зашвырнул мышь далеко, в темнеющий кустарник, потом подошел к реке и тщательно вымыл руки.

— Дурак полоумный. Неужто ты не понимаешь, — я увидел, что у тебя ноги мокрые, ведь ты ж ходил за ней через реку.

Он услышал, что Ленни заскулил, и обернулся.

— Ньюни распустил, как маленький? Ох ты, Господи! Такой здоровенный детина, и плачет. — Губы Ленни кривились, глаза были полны слез. — Ну же, Ленни! — Джордж положил руку ему на плечо. — Я отобрал ее у тебя не по злобе. Ведь эта мышь давным-давно уж издохла, Ленни, и, кроме того, ты, когда гладил ее, сломал ей хребет. Ну ничего, сыщешь другую мышь, живехонькую, и я, так уж и быть, позволю тебе оставить ее у себя ненадолго.

Ленни сел на землю и понурил голову.

— Я не знаю, где сыскать другую мышь. Помню, одна женщина отдавала мне мышей, как поймает. Но ее ведь здесь нету.

Джордж усмехнулся.

— Одна женщина? И ты не помнишь даже, кто она такая. А ведь это была твоя тетка Клара. Она потом перестала тебе их давать. Ты же всегда их убивал.

Ленни поднял голову и печально поглядел на Джорджа.

— Они были такие малюсенькие, — сказал он виновато. — Я их гладил, а потом они кусали меня за палец, и чуть только их ущипнешь, они сразу дохнут, потому что они такие малюсенькие. Поскорей бы у нас были кролики, Джордж. Они ведь не такие малюсенькие.

— К черту кроликов. Тебе нельзя давать живых мышей. Тетка Клара купила тебе резиновую мышшь, но ее ты не захотел взять.

— Ее не так приятно гладить, — сказал Ленни.

Багрянец заката слинял с горных вершин, и сумерки сползли в долину, а меж ив и сикоморов уже царил полумрак. Крупный карп всплыл на поверхность заводи, глотнул воздуха и снова погрузился в таинственную темную воду, оставив на ее глади разбегающиеся круги. Листва снова зашелестела, и белый пух слетел с ив, опускаясь в воду.

— Приволокешь ты, наконец, хворосту? — спросил Джордж. — Вон у того сикомора целая куча сучьев, река принесла их туда в разлив. Тащи их скорей.

Ленни пошел к дереву и принес охапку сухих сучьев и листьев. Он бросил ее на старое кострище, сходил к дереву еще раз, потом еще. Была уже почти ночь. Над водой с шумом пролетел лесной голубь. Джордж подошел к куче и поджег листья. Сучья затрещали и занялись. Джордж развернул одеяло и вынул три банки бобов. Он поставил их у самого костра, но так, чтобы огонь их не касался.

— Этих бобов хватило бы на четверых, — сказал он.

Ленни смотрел на него, стоя по другую сторону костра. Он сказал умоляюще:

— Я люблю бобы с соусом.

— Но у нас нет соуса! — рассердился Джордж. — Вечно ты хочешь того, чего нету. Боже праведный, будь я один, я бы и горя не знал. Работал бы себе спокойно. Никаких забот, получал бы каждый месяц свои пятьдесят долларов, ехал в город и поку-